

Первое десятилетие деятельности М.А. Лисавенко на Алтае

О.А. Баранова
г. Барнаул, Россия

М.А. Лисавенко был незаурядным организатором науки и производства. Его целеустремленность была основана на глубоком желании улучшить жизнь сибиряков, обогатив их быт садами. «Я коренной сибиряк, – говорил он, – мой прадед – ссыльный крепостной из Воронежской губернии». Михаил Афанасьевич хорошо знал Сибирь, многих сибиряков, учился в первом сибирском университете в Томске. Еще в молодости он чувствовал в себе силы для новой работы – созданию садов в Сибири.

В 1930 г Лисавенко выступил в журнале «Сад и огород» со статьей «О проблеме сибирского плодово-ягодного садоводства», в которой не посчитался с авторитетами, откладывавшими в долгий ящик развитие сибирских садов, и настаивал на немедленном начале работ по садоводству. Через 20 лет, 12 декабря 1950 г. проф. З.А. Метлицкий писал ему: «Еще и сейчас мы плохо знаем, а раньше совсем не знали сибирского пловодства и его возможностей. Прекрасно помню Вашу статью о проблемах сибирского пловодства в 1930 г., заставившую многих, и меня в том числе, задуматься над пловодством Сибири. А теперь и южанам во многом следует поучиться у сибиряков – и масштабам селекционной работы, и связи с производством, и темпом развития пловодства».

Из любителя-опытника Ачинска М.А. Лисавенко вырос до действительного члена ВАСХНИЛ и руководителя секции садоводства в академии. Он возглавлял сообщество ученых-садоводов СССР с 1956 по 1967 гг. и пользовался большим авторитетом и уважением ученых. Многие из них называли Михаила Афанасьевича своим учителем, с благодарностью и теплыми словами дарили свои книги, которых множество в его библиотеке.

Не каждому под силу пережить и выйти победителем в той борьбе за право начать работу на новом месте в Ойротии, которую ему пришлось стойчески выдержать в 1933–1934 гг. Он попал хотя и в благодатный, но абсолютно неземледельческий район южной Сибири, где местное население еще надо было приучать к оседлости и в языке которого не было слова «яблоко».

Прибыв в г. Ойрот-Тура (5 тыс. жителей) в феврале 1933 г. с рекомендательными письмами из Москвы и Мичуринска, он заручился поддержкой обкома ВКП(б), свернул свою работу в Ачинске, привез в Бийск растения из своего сада и в июне готов был приступить к работе. С 1 июля 1933 г. Лисавенко зачислили в штат ОблЗУ агрономом, и эта дата является

днем рождения нашего учреждения. Почти год он обивал пороги властных структур, добываясь земли в логу, которую он выбрал под сад, и все напрасно. «Держитесь! Я верю, Вы станете нашим сибирским Пашкевичем», писал ему А.И. Олониченко из Красноярска. «Что ты раскис? зывал к его мужеству друг Костя Поплавский, – и в Ачинске не хотят разводить сады», – утешал он. Михаил Афанасьевич написал в «Крестьянскую газету». «Ваш шеф Пантюхов обитает в Топках с выездной редакцией», – ответил ему Смирнов. Что мог сделать Пантюхов? Он мог многое, в его руках было могучее оружие – газета, формировавшая общественное мнение. Он вызвал Лисавенко к себе, и вместе они развернули агитацию за сады, провели совещание и слет, послали обращения к Эйхе и Мичурину, писали в газете и выступали по радио о развитии садоводства в Топкинском районе Кузбасса. Там Михаил Афанасьевич написал брошюру «Плоды и ягоды – на север» и с ней в конце декабря 1933 г. предстал перед Мичуриным. «Мичурин встретил меня ласково, – вспоминал Лисавенко, подробно расспрашивал о первых шагах на новом месте».

Брошюра Лисавенко со вступительной статьей великого садовода была отпечатана в 1934 г. в типографии «Крестьянской газеты». Мичурин отнес Лисавенко «к самым серьезным селекционерам-плодоводам Сибири, отлично понимающего дело. Лисавенко кладет начало истории алтайского садоводства», – писал он.

Лисавенко вспоминал: «Идея организации опорного пункта в Ойротии не была встречена с распростертыми объятиями, в первую очередь, со стороны земельных органов и облфинотдела... Непосредственное вмешательство Мичурина, который 2 января 1934 г. обратился с письмом к сибирской общественности, призывая помочь мне, оказало воздействие».

Но не сразу лед тронулся. Вернувшись в Ойрот-Туру, он узнает, что теперь ему не будут давать зарплату, и с 1 января 1934 г. он снят со снабжения по продовольственным карточкам. Михаил Афанасьевич 17 марта 1934 г. пишет о своих мытарствах председателю облисполкома, заканчивая такими словами: «Я прошу Вас, тов. Председатель, прекратить издевательства и надо мной, и над идеей создания Мичуринского филиала в Ойротии. Ради осуществления этой идеи я приехал сюда и, насколько хватало моих сил, боролся за нее и буду бороться дальше. Но и моим силам может быть предел в неравной борьбе с тупым, бездушным, а подчас просто враждебным отношением. Но я в то же время считаю позорным для себя, как мичуринца, бросить начатое огромное, интересное дело, не попытавшись ознакомить Вас с положением, кратко изложенным в настоящей записке. Садовод-опытник Мих. Лисавенко».

3 апреля 1934 г. М.А. Лисавенко переводят заведующим опорным пунктом, но выдача средств задерживается. Весну он проводит один. Ему отмечают в логу 4 га, и он на лошади вспахивает половину, делает гряды для сеянцев, куда высаживает дички яблони. Саженцы яблони он посадил

по целине, у него не хватило сил и времени все сделать одному. К 15 мая он закончил полевые работы. Построил избушку для сторожа, купленную им за 100 руб. в городе на снос. «Но и этой первой постройке я был рад чрезвычайно. Вслед за избушкой появилась теплица. Всего мне в 1934 г. было отпущено 32 тыс. руб., из них 4 тыс. руб. на капвложения». В напряженное весеннее время были высажены декоративные растения в Ойрот-Туре, которые он купил осенью 1933 г. в Бийске. Работы выполняли комсомольцы под руководством Михаила Афанасьевича. На центральной площади, где был базар с привязями для скота, заложили сквер, который украшает город и теперь. Тяготы жизни ойротцев не давали развиваться их эстетическим чувствам, держали много овец, улочки были кривыми и не всегда чистыми. Михаил Афанасьевич развел цветник у себя на пункте, он выписал из Сырецкого хозяйства г. Киева георгины, а ирисы и гладиолусы привез с собой. Цветник расширялся, пополнялся декоративными растениями алтайской флоры. Это было так необычно для ойротцев, что стало правилом ходить на экскурсию в лог и восхищаться этим чудом. Постепенно люди стали сажать цветы у себя в палисадниках. Летом 1934 г. Михаилу Афанасьевичу удалось осуществить экспедицию в горы с участием ботаника МГУ М.П. Нагибиной. Маршрут составил 500 км до границы с Монголией. Он ближе познакомился с Алтаем и привез много интересных растений – ягодники, облепиху, курайскую иву, луки и многое другое.

В Барнауле с помощью краевых властей Лисавенко организовал опорный пункт, главной задачей которого было провести обследование всех садов в крае, что и было сделано под руководством Н.И. Давидовича в 1938–1939 гг.

Как только зацвели собранные на пункте растения, Лисавенко с И.А. Кухарским весной 1937 г. продуманно и многопланово начали гибридизацию и заложили основу будущих отборов. Даже облепиху Лисавенко пытался опылить шефердией, а землянику – сибирскими видами. Финансовое положение опорного пункта Лисавенко укреплял за счет выращивания овощей и сортового картофеля и договоров с подмосковными цветоческими хозяйствами. Собранный в горах материал был размножен и реализован в количестве 137 тыс. саженцев и 20 кг семян цветов, 118 кг семян сибирской рябины. Кроме того, Лисавенко разослал лично 90 кг семян диких алтайских луков и 500 кг луковиц в районы севера, вплоть до Диксона. Первые награды на Всесоюзной выставке в 1939 и 1940 гг. опорный пункт получил за декоративные растения Горного Алтая.

Годы репрессий для опорного пункта и лично для Михаила Афанасьевича были тяжелейшими в связи с арестом и гибелью отца, Афанасия Михайловича Лисавенко, зама по науке Иннокентия Арсеньевича Кухарского и других близких людей. Вовремя предупрежденный сам Михаил Афанасьевич уехал в Москву. Там по заданию Выставки он написал книгу «Сибирский сад».

Восемь лет (1933–1940 гг.) – срок большой в условиях тех темпов, которые набирала наша страна в годы первых пятилеток, считал Лисавенко. «Нет ничего удивительного, что опытное начинание выросло в крупное, в условиях пионерского садоводства, научное учреждение», писал он в январе 1941 г. Из общей площади 170 га опорный пункт имел уже 80 га садов и питомников. Коллекции и селекционные насаждения получили высокую оценку Н.И. Вавилова и С.И. Исаева, побывавших на пункте.

В 1941 г. по согласованию с Наркомземом, Наркомфином РСФСР и местными властями была организована экспериментальная база опорного пункта, что позволяло развивать и планомерно строить хозяйственную деятельность. Баланс экспериментальной базы на 1 января 1942 г. составил 735,5 тыс. руб., в том числе 477 тыс. основных средств. На былом пустыре вырос сад стоимостью 152,7 тыс. руб. М.А. Лисавенко считал, что научное учреждение должно быть образцовым во всех отношениях и на своем примере агитировать за сады. Крепкая база создает большие материальные возможности, это особенно важно в условиях войны, когда возникли новые потребности – в общественном питании, заготовке топлива, поддержании жилищ в порядке, помощи фронту, эвакуированным, раненым, сиротам. И в то же время в таком двоевластии заложены противоречия. Разделение науки и производства было бы возможным тогда, когда наука финансировалась бы по потребностям, а база, работающая на хозрасчете, имела бы в достатке рабочую силу и технику. Этого не было.

М.А. Лисавенко хорошо знал, как создавались базы в Мичуринском институте ещё при жизни Мичурина и на многих опытных станциях. Эти базы имели свой баланс и руководителя, свой производственный план, а научные сотрудники являлись как бы гостями в чужом хозяйстве, о них вспоминали в последнюю очередь. Более того, сотрудники часто мобилизовывались на полевые работы в качестве рабочей силы. Ясно, что объем работ сотрудников был так мал, а делянки так невелики, что ждать хорошего результата от науки не приходилось.

М.А. Лисавенко пошёл иным путём. Создавая свою экспериментальную базу, он поставил в 1941 г. управляющим своего заместителя по науке Н.Н. Тихонова, кандидата наук с 1936 г., селекционера уже с известным именем в научных кругах и в то же время молодого и энергичного хозяйственника. Он был, прежде всего, заинтересован в выполнении научной программы. Юридически база была самостоятельным учреждением, но по существу трудно было разграничить, где кончается опорный пункт и начинается экспериментальная база.

Все насаждения, включая опытные посадки, а также посеы зерновых, овощных культур, сенокосы, входили в состав базы. Она имела 12 отделений по числу научных сотрудников: яблоневоый сад, ягодники, питомники, овощеводство и картофель, отделение косточковых, винограда и груши, декоративных и лекарственных растений, зерновых культур, семеновод-

ства, цех переработки плодов и ягод и хозяйственная часть (транспорт, молочная ферма, строительная бригада). Во главе каждого отделения, кроме последнего, стоял научный сотрудник. Он нес ответственность как за научную, так и производственную работу. Отделения имели бригады и звенья, которыми руководили техники или бригадиры. Питомнику помогали все. Он имел свои поля, а черенковый материал получал от других отделений. Осенью, перед отпуском посадочного материала, апробацию проводили селекционеры, чем обеспечивалась сортовая чистота. Нагрузка на научных сотрудников возросла, но опорный пункт не перерос в совхоз, где мало места остаётся для научной работы. Например, в отделении декоративных растений имелось свыше 800 пород и сортов, велась работа по введению в культуру алтайских растений. Испытывали и сдали в 1943 г. 305 кг сухой белладонны и наперстянки, за счёт реализации семян (до 14 тыс. пакетов в год). луковиц, рассады и саженцев отделение целиком покрывало свои расходы как по научной, так и производственной работе. З.И. Лучник за шесть лет написала диссертацию и защитила её в декабре 1943 г. в Мичуринском вузе, который в это время находился в Ойрот-Туре, зимой она читала лекции студентам.

Постоянный штат экспериментальной базы составлял 110 человек, летом он увеличивался до 360 человек. Это были сезонные рабочие и школьники, работающие со своими учителями. Зимой постоянные рабочие занимались поделкой тары, матов, во время войны женщины замещали мужчин и делали парниковые рамы, ремонтировали постройки, шили полушубки, рукавицы. На строительство новых теплиц было привлечено только два плотника, остальное делали свои полевые бригадиры и рабочие. Заготовку и вывозку леса также делали женщины. Всё лежало на женских плечах, весь тяжелый труд.

С началом Великой Отечественной войны М.А. Лисавенко отказался от бюджетного финансирования науки. В результате продуманной организации экспериментальной базы её валовый доход достиг в 1942 г. 1 млн 900 тыс. руб. и излишки операционных средств в размере 200 тыс. руб. сданы государству, в 1943 г. сдали государству 213 тыс. руб. и т.д. С 1941 по 1946 г. включительно учреждение совершенно не получало никаких дотаций от государства, а часть операционных средств сдавало в бюджет. И после войны директор Мичуринского института Белохонов получал с Алтайской станции средства на содержание своей науки. Лисавенко вспоминал: «Я кормил ЦГЛ».

1 июля 1943 г. произошло знаменательное событие, совпавшее с датой организации опорного пункта: по представлению местных и краевых властей распоряжением Совнаркома РСФСР он был реорганизован в Алтайскую зональную плодово-ягодную станцию. Лисавенко шел к этому, добиваясь этого, всеми силами стремился расширить своё дело и своё влияние на весь Алтайский край. Коллектив отметил этот день выпуском стеной

газеты, хорошими стихами в адрес своего руководителя и рисунком того одинокого жилища, сооруженного им в логу весной 1934 года.

М.А. Лисавенко опять идёт к властям просить землю. Ему прирезают еще 681 га, в том числе заросшую пашню от соседнего колхоза. Он очень рад этому, он не боится работы. Теперь у него 852 га земли! В этом же 1943 г. на этой площади проведено землеустройство.

К концу 1943 г. база имела: двухэтажное здание лаборатории, которое используется до сих пор, 13 жилых домов, 2 барака, 3 теплицы и оранжерею, 3 склада, упаковочный сарай, мастерскую, здание для переработки плодов и ягод, 3 подвала для зимнего хранения овощей, конюшню, столовую, магазин, баню. Таким образом, на голом месте за 9 лет создали посёлок только за счет ручного труда и конной тяги. В 1943 г. впервые приобрели старый гусеничный трактор Е2Г, нефтяной двигатель, два бензиновых мотора. Часть вспашки и молотьбу в 1943 г. провели за счет механической силы. Конское поголовье в 1943 г. состояло из 32 лошадей, из которых 25 рабочих, 6 молодняка, один жеребец производитель. Молочная ферма состояла из 9 коров и бычка, помимо молочных продуктов, нужен был навоз для парников и удобрения почвы. Имелась пасаека в 50 пчелосемей для опыления садов.

Военная обстановка потребовала от базы создания своего продовольствия. В 1943 г. посеяли гречихи 8,3 га, проса – 14,0, овса – 15,0, кукурузы – 3,0, фасоли – 2,2 га. По поставкам зерна станция своевременно рассчитались с государством и 2 т крупяных сдала в счёт 1944 г. Каждый военный год выращивали много капусты, лука, моркови и др. овощей для питания населения.

В годы войны стал ощущаться острый недостаток семян овощных культур. Ойротия не имела своих семян и пользовалась завозными. Станция вырастила из своих семенников в 1943 г. семян свеклы столовой и сахарной 885 кг, моркови 126 кг, лука, капусты, помидор, тыквы, огурцов.

В 1943 г. М.А. Лисавенко начал финансировать за счет своих средств Чемальский и Барнаульский опорные пункты. В Чемал была перенесена работа по селекции косточковых культур, в Барнауле вторично (после 1938 г.) развернулась работа по сортоиспытанию гибридной смородины, малины и др. культур на площади 10 га. Опорный пункт в Барнауле стал первичным очагом размещения НИИ садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко в будущем.

В годы войны интенсивно шла селекционная работа. Из гибридов 1937–1938 гг. скрещивания были выделены первые 18 сортов черной смородины Голубка, Алтайская десертная, Зоя, Кокса, Каракол, Бия, Катунь и др.; сорта яблони Горноалтайское, Пепинка алтайская, Алтайский голубок и др.; сорта малины Барнаульская, Отборная Шеина и многие другие сорта и гибриды, в последующие годы обогатившие районированный ассортимент и ставшие фондом для повторного скрещивания. Имелись большие

достижения в питомниководстве, декоративном садоводстве, переработке плодов и ягод. Среди населения интерес к садам не только не погас, а с каждым годом рос. Этому способствовала пропаганда, которую через местные газеты вел М.А. Лисавенко и его сотрудники. Ему удалось обобщить результаты селекции и защитить кандидатскую диссертацию в Мичуринском вузе в г. Ойрот-Тура «Селекция ягодников на Алтае». В 1946 г. ВАК утвердил его кандидатом с.-х. наук. Эта монография представляет большую историческую ценность в научном садоводстве Сибири. Объем проведенной работы удивляет всех, кто с ней знаком. На пустом месте, терпя невероятные трудности и лишения в военные годы, когда главным был лозунг «всё для фронта, всё для победы», М.А. Лисавенко со своими сотрудниками совершил подвиг. Он не только не свернул, а с каждым годом расширял селекционную работу. Связано это было с его характером: он заботился о людях, старался улучшить их условия быта и работы, принимая студентов на практику, выращивал их, обучал и привлекал в будущем как специалистов на работу. Все колхозные садоводы были его друзьями и подопечными, он бывал у них, помогал им, защищал и возвеличивал в глазах общественности.

«Со свойственным мне легкомыслием», – с улыбкой рассказывал нам Михаил Афанасьевич, он первым начал в Ойротии, да и первым в Алтайском крае, разводить сортовой картофель. Весной 1935 г. он посадил клубни нескольких сортов, затем увеличил посадки и во время войны площади под картофелем достигали 22 га. Из сорта Берлихинген в 1938 г. Лисавенко выделил клон, который лучше хранился и получил сортовое название Алтайский, поступил на 34 сортоиспытательных участка. Его около 30 лет выращивали в крае и Сибири. Колхозы Ойротии не имели хранилищ и транспорта, и работа по внедрению лучших сортов картофеля шла с большим риском заморозить его, и тогда инициатор легко превращался в обвиняемого. Приходилось картофель на зиму закапывать в траншеи. Урожай картофеля у Лисавенко достигал 350 ц/га, а несортовой местный – только 80. Михаил Афанасьевич просто не мог пройти мимо этой проблемы, хотя его никто не заставлял.

Уборка зерновых культур в северной Ойротии по срокам совпадает с периодом дождей, что вызывает потери урожая. Урожай кукурузы был убран на опорном пункте до наступления больших заморозков и составил 29,5 ц/га, т.е. выше всех зерновых культур. По урожайности выделился гибрид Канадская х Безенчукская из Славгорода. По нарядам ОблЗУ станция продала 20 ц семян этого гибрида колхозам весной 1944 г. Это была новая культура для Ойротии.

Благодаря постоянному вниманию научных работников к агротехнике садов, база получала высокие урожаи. Так, урожай земляники составил по сортам в среднем 65 ц/га, а максимальный – 129 ц/га. Ранетка Багрянка Кашенко в 9-летнем возрасте дала урожай 79,2 ц/га, а Ранетка пурпуровая

160,1. Багрянки Кашенко имелось 376 деревьев, Ранетки пурпуровой – 936, Таёжного Мичурина – 566 деревьев, Пепина шафранного Мичурина – 425. Они располагались на различных склонах. Проводя учёт урожая в течение нескольких лет, сотрудники выделяли наиболее здоровые и урожайные экземпляры и только с них нарезали черенки для размножения. Это особенно важно, когда саженцы отпускаются для дальнейшей репродукции.

Благодаря наличию питомника станция обеспечивала быстрое размножение новых сортов. Ранее совершенно неизвестные сорта земляники Абориген алтайский и малина Вислуха размножены и отпущены в количествах – Абориген 410 тыс. Вислуха 311 тыс. штук. Успешно проходили размножение мичуринские сорта яблони. Отпуск посадочного материала из питомника Алтайской станции полностью удовлетворял потребности в них.

Специфические условия низкогорий Алтая с частым выпадением снега на талую почву осенью приводили к выпреванию окулировок и подвоев косточковых. Н.Н. Тихонов применил зимнюю прививку, обучил работников этому новому делу. Ежегодно прививали до 114 тыс. подвоев, выход в поле составлял 86,7%, а выход двухлеток 73,2%. Вместо сибирской яблони стали сеять для подвоя Ранетку пурпуровую, стимулируя её рост поливом жидкими удобрениями и рыхлениями, добиваясь стандарта в 64% в первый же год. Станция вырабатывала достаточное количество семян для подвоев как по яблоне, так и по песчаной вишне для прививки сливы. В 1943 г. для питомников освобожденных районов европейской части страны было отпущено 80 кг семян Ранетки пурпуровой. Заложили маточник семенной уссурийской дикой груши из 760 растений для подвоев, имелось 1600 деревьев стандартных сортов плодовых, что достаточно для срезки черенков и удовлетворения всех потребностей в них.

Коллектив станции посылал фронтовикам посылки. М.А. Лисавенко по поручению коллектива писал: «Мы хотели бы, чтобы наши скромные подарки – яблоки и теплые вещи – напомнили Вам, что за Вами ваши матери, жены и дети и мы верим, что Вы вернетесь с победой в родные дома». Но многие не вернулись с фронта. Сложил свою голову в боях за Родину и приемный сын Михаила Афанасьевича – Александр, которого он вырастил с младенчества.

Вспоминая военные годы, Михаил Афанасьевич рассказывал нам, как дружно и самоотверженно трудился его коллектив, как много он сделал для победы над врагом. Он считал, что правильно организовал труд, поставив на участках научных сотрудников в качестве руководителей. Он очень гордился почетной грамотой Наркомзема РСФСР, полученной в конце 1943 г., «за достижения в научной работе, выведение двух сортов яблони и отбор перспективных элит плодово-ягодных культур, помощь сельскому хозяйству и хорошую организацию работы в опытном хозяйстве».

И все последующие годы Михаил Афанасьевич умело руководил Алтайской станцией, она никогда не подвергалась критике и стала ведущим научным учреждением по садоводству в Сибири и одной из лучших в стране. Алтайские сорта ягодников распространились широко и стали источником в селекции новых сортов, существенно обогатив отечественное садоводство.

В последний год жизни М.А. Лисавенко, в мае 1967 г., Алтайская опытная станция садоводства была награждена правительством орденом Трудового Красного Знамени. Лучшие, самые продуктивные годы своей жизни М.А. Лисавенко отдал закладке основ научного садоводства Сибири по мичуринской методике. Н.И. Кравцева писала, что когда он проводил расширенные заседания ученого совета Алтайской станции с привлечением сибиряков, дальневосточников, уральцев и северо-казахстанцев, было видно, что «он стоял на голову выше собратьев по региону». Его деловой подход, его умение сплотить коллег воспринимались всеми единодушно и звали к новым достижениям. Жизнь и деятельность М.А. Лисавенко навсегда останется примером для подражания сибирским садоводам.

УДК 634.74.631.535

Результаты испытаний универсального ягодоборочного комбайна «Йоонас-2000» на уборке чёрной смородины

В.Д. Бартнев, А.А. Канарский, Р.А. Тучин
ГНУ НИИСС Россельхозакадемии,
Россия, Барнаул
niilisavenko@hotmail.ru

Трудозатраты при ручной уборке смородины чёрной составляют около 65% от общих затрат труда на возделывание культуры. Ягоды смородины, богатые витаминами, ценными биологически активными веществами, микроэлементами и др. Возделывание смородины может быть высокорентабельным только лишь при механизированной уборке урожая. При этом её производство можно поставить на промышленную основу и полностью удовлетворить спрос населения и потребности в ней пищевой и фармакологической отраслей.

В последние 20 лет были разработаны и выпускались в РФ ягодоборочные серийные машины трёх поколений МПЯ-1, МПЯ-1А и МПЯ-1Б. В более поздний период были созданы новые комбайны для уборки смородины КПЯ-1 и сменно-модульный комбайн-КМЯ-3 (разработчик ВСТИСП, г. Москва).